

Иван Егорович Энгельман

**Очерк внутренней истории
Пскова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э62

Э62 **Энгельман И.**
Очерк внутренней истории Пскова / Иван Егорович Энгельман – М.: Книга по Требованию,
2023. – 46 с.

ISBN 978-5-521-39217-9

ISBN 978-5-521-39217-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

опредѣленное понятіе, выработавшееся на чужой почвѣ, въ новгородскія и псковскія отношенія, и такимъ образомъ приписываетъ имъ характеръ, котораго они не имѣли. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ намъ не извѣсны данныя, которыя указывали бы на подобный характеръ. Историкъ обязанъ изображать только то, на что мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, а не освѣщать факты или явленія произвольнымъ сближеніемъ ихъ съ явленіями иного характера и другихъ условій. Такого рода приемы окрашиваютъ явленія въ колоритъ чуждый и въ то время, какъ мы вправѣ были бы ждать отъ изслѣдователя представленія намъ извѣстныхъ учреждений въ присущей имъ народной формѣ, фантазія наша представляетъ намъ образы чужаго міра, въ особенности когда этотъ, привлекаемый къ сравненію, міръ, вслѣдствіе совершеннѣйшей научной обработки, намъ болѣе присущъ. Людямъ же основательно знакомымъ съ дѣломъ такого рода приемъ ничего не разъяснить.

3) На стр. 13 авторъ, для сравненія различныхъ способовъ землевладѣнія между собою, приводитъ примѣръ изъ римской исторіи и говоритъ: «Сообразно съ первой, земля обрабатывается цѣлымъ родомъ сообща, а затѣмъ уже полученный продуктъ дѣлится между принадлежащими къ роду членами, домами: такой способъ пользованія землей господствовалъ у Римлянъ». Между тѣмъ, если посмотримъ какъ выражается Момзенъ, въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ, и что говорятъ источники, то видимъ, что о «господствѣ такого способа у Римлянъ» говорить нельзя, но что есть намеки, что подобный способъ пользованія землей, вѣроятно, когда то, въ самыя первыя времена Рима, существовалъ. Г. Никитскій слѣдовательно успиваетъ выраженіе Момзена.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что г. Никитскій не всегда относится къ сравнительному методу изслѣдованія съ должнымъ вниманіемъ и необходимою осмотрительностью. Та же самая небрежность замѣтна при употребленіи иныхъ научныхъ терминовъ. Въ каждой наукѣ для изслѣдователя дѣло первой важности — съ точностію отдѣлять другъ отъ друга различныя понятія, входящія въ составъ ея, и поэтому строго держаться употребительныхъ терминовъ, не суживая и не распространяя ихъ безъ крайней необходимости; въ противномъ случаѣ разсужденія и заключенія дѣлаются сбивчивыми. Если мы вездѣ, въ родѣ, племени, родовомъ княженіи, будемъ говорить о государствахъ, о политическихъ учрежденіяхъ, то лишаемся этихъ выраженій, какъ терминовъ, и употребляя ихъ, никогда не будемъ знать, о какого рода явленіяхъ

идеть рѣчь, о семейныхъ, родовыхъ, патріархальныхъ, или собственно государственныхъ и политическихъ. Г. Никитскій такъ и поступаетъ. Онъ видитъ государство во всемъ и вездѣ, но не потому, чтобы не умѣлъ отличать государственнаго строя отъ родоваго и племеннаго быта; а потому что онъ желаетъ провести свою особенную теорію, свой особенный взглядъ. Онъ умѣетъ очень ясно и правильно найти различіе между родовымъ порядкомъ и государственнымъ строемъ и въ концѣ концовъ прямо доказываетъ, что въ родовыхъ и въ племенныхъ единицахъ, называемыхъ имъ же государствами, нѣтъ рѣшительно ничего государственнаго.

Послушаемъ какъ разсуждаетъ г. Никитскій.

Стр. 12: «Основаніе роду полагается сознаниемъ о юридическомъ или политическомъ принципѣ и сообщеніемъ этому принципу объективнаго значенія, т. е. замѣною правилъ родственной любви политическими учрежденіями. Разница между родовымъ государствомъ и государствомъ высшей формаціи въ отношеніи учрежденій заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно, не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьею».

Стр. 26. «Отдѣльные роды были ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельными государствами столь значительной (вѣроятно опечатка вмѣсто *незначительной*) величины, что, сравнительно съ племенемъ, народомъ, являлись какъ бы отдѣльными личностями, индивидуумами».

Стр 32: ... «внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родоваго принципа на болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего начальнаго источника семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы».

Стр. 44. «Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженія, были ни въ (?) чѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженія». «Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, исполнѣ самостоятельные круги дѣйствія, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ родоваго быта»

Стр. 45. «Если... при господствѣ родового быта... всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи... если, поэтому, ... понятія семьи и государства... постоянно смѣшиваются... то естественно возникаетъ такой вопросъ о значеніи патріархальныхъ организаций: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ, или же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества?»

Непонятно, какъ можно дѣлать такую постановку вопроса!

Поставивъ вопросъ столь страннымъ образомъ авторъ даетъ и соотвѣтствующій ему отвѣтъ. Онъ говоритъ, стр. 46: что дѣйствительно существовали признаки государственности родовыхъ отношеній. «Только это органическое единство понималось не столько умственно, не столько въ опредѣленныхъ юридическихъ понятіяхъ, сколько мнѣстически и поэтически, въ образѣ, представляемомъ семейною жизнію. Поэтому совершенно естественно, что при такомъ бытѣ тѣ стороны государственной жизни, которыя не совпадаютъ съ представленіями о семьѣ, совсѣмъ не получаютъ надлежащаго развитія».

Значитъ авторъ самъ сознаетъ, что о государственности этихъ союзовъ и говорить нельзя.

Исслѣдованія и соображенія автора о семьѣ, родѣ, и высшей родовой единицѣ, княженіи, сами по себѣ довольно дѣльны и любопытны, еслибъ только онъ не смѣшивалъ этихъ понятій съ государствомъ и не вводилъ свою теорію о фикціи (см. ниже).

Не можемъ обойти молчаніемъ страсть автора къ громкимъ или необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя. Мы уже видѣли, что онъ любитъ употреблять: республиканскій магистратъ, сенатъ, курульскія должности. Кромѣ того есть и другіе примѣры:

1) (на стр. 195). «Лице, заступившее мѣсто владыки во Псковѣ, называлось «владычень намѣстникъ». Въ *одномъ* мѣстѣ лѣтописи авторъ нашелъ выраженіе: «отъ Ивана владычника владычня» и обрадовался, отыскалъ, молъ, новый терминъ! и вотъ въ его сочиненіи является странное выраженіе «владычникъ» — слово, по производству своему, какъ-то не соотвѣтствующее тому значенію, которое ему придаетъ авторъ — слово, получившее ту форму очевидно вслѣдствіе ошибки переписчика. Писецъ, списывая лѣтопись, въ своемъ подлинникѣ читалъ: «Ивана намѣстника владычня». Написавъ слово «Ивана» переписчикъ ошибкою опустилъ второе слово и началъ писать третье «владычн»..., помня, что пишетъ второе слово онъ взглянулъ на окончаніе втораго слова въ подлин-

никѣ, и, не замѣтивъ своей ошибки, дописалъ окончаніе этого второго слова и написалъ «нка», а за тѣмъ и третье слово «владычня». Это объясненіе намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, нежели предположеніе автора о новомъ терминѣ и о томъ, что слово «владычня» — плеоназмъ.

2) На стр. 279 мы читаемъ: «когда послѣ смерда оставались только однѣ дочери, то за выдачей субспдій послѣднимъ, все достояніе смерда переходило въ руки князя». По древне-русскому праву тотъ, кто исключилъ дочь изъ вотчины или поземельнаго участка отца, долженъ былъ выдать ей приданое — а это г. Никитскій называетъ: субсидіями! Извѣстно, что подъ этимъ словомъ понимается совершенно другое.

На той же стр. и на стр. 282 авторъ говоритъ о княжескихъ «доменахъ», по-русски говорятъ о княжескихъ *земляхъ*.

3) На стр. 21 читаемъ: «Если выражаться юридическимъ языкомъ, комбинація разныхъ званій въ одной особѣ въ періодъ родового быта была не абсолютною, а факультативною».

Рѣшительно нельзя понять, почему авторъ полагаетъ, что это предложеніе есть юридическое выраженіе его мысли. Употребленіе иностранныхъ словъ, затемняющихъ смыслъ какого-нибудь выраженія, еще не придаетъ ему характера юридического.

4) На стр. 340 авторъ говоритъ о реформаціонномъ движеніи XVI вѣка въ церковныхъ дѣлахъ Россіи, а на стр. 343 даже «о великомъ реформаціонномъ движеніи XVI столѣтія». Не слишкомъ ли громкое названіе весьма скромныхъ начинаній?

Наконецъ встрѣчается у автора небрежное употребленіе разныхъ выраженій и излишнее употребленіе иностранныхъ словъ. Зачѣмъ употреблять выраженія какъ «патрональная святыня», «тенденціи» вмѣсто *направленій* (на стр. 324), «регулированіе» вм. *опредѣленіе* (на стр. 328). Выраженіе «дуалистическая секта» не означаетъ того, что авторъ желаетъ выразить. Слѣдовало бы сказать: секта съ дуалистическимъ ученіемъ.

На стр. 15 и слѣд. авторъ, говоря о доисторическомъ времени, употребляетъ выраженіе *собственность*, говоритъ о поземельной собственности частной и родовой. Такъ какъ въ доисторическое время поземельная *собственность* не существовала и не могла существовать и даже въ историческое время поземельная собственность развилась весьма медленно — то и не слѣдовало употреблять этого термина, а слѣдовало употреблять другія выраженія: владѣніе, родовое достояніе и т. п.

На стр. 196 авторъ говоритъ, что такъ называемыя смѣшанныя дѣла, напримѣръ, бракъ и семейныя отношенія, составляли исключительную *собственность* церковнаго вѣдомства — слѣдовало бы сказать: область, или сказать, что они принадлежали къ вѣдомству.

На стр. 286 *молодые люди* — вм. молодшіе люди.

На стр. 319 читаемъ: *титულъ* его занялъ *мѣсто* «непосредственно послѣ князя и посадника».

На стр. 284 читаемъ: «Дворы многихъ посадниковъ были тотчасъ же преданы на потокъ и на разграбленіе». Спрашивается какимъ это образомъ дворъ могъ быть отданъ на потокъ? Людей отдавали на потокъ, а дворы на разграбленіе!

На стр. 23 читаемъ: «Однако съ теченіемъ времени, сообразно съ развитіемъ *антропоморфизма*, незамѣтно являлось въ жизни и раздѣленіе званій: на ряду съ княжескимъ возникало и самостоятельное жреческое». Спрашивается: антропоморфизма — чего? или какого?

На стр. 35 читаемъ: «На Руси отсутствіе... храмовъ въ честь боговъ, равно какъ и слабое развитіе антропоморфизма (?), обнаруживающагося только въ позднѣйшее время».

На стр. 34 авторъ говоритъ «что съ развитіемъ антропоморфизма являлась возможность образованія жреческаго сословія. Чѣмъ больше боги усвоивали себѣ человѣческій образъ».... Здѣсь по крайней мѣрѣ можно отгадать, что авторъ говоритъ объ антропоморфизмѣ боговъ — но все таки нельзя выражаться подобнымъ образомъ.

На стр. 315 мы читаемъ: «Подобно тому, какъ первая форма симоніи, взиманіе мзды за ставленіе, послужила поводомъ къ возникновенію ереси стригольниковъ, точно также и вторая форма, предоставленіе за деньги права священствовать вдовствующему духовенству, не осталась безъ параллельнаго стригольничеству явленія: она сопровождалась вмѣшательствомъ мірянъ въ собственно церковныя дѣла». Спрашивается какая тутъ паралель? Вмѣшательство мірянъ въ дѣла церкви не выразилось же въ какой либо ереси или сектѣ, а было временное, какъ объясняетъ самъ авторъ.

Изслѣдованіе, раздѣляемое авторомъ на шесть главъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ введеніе, на дѣлѣ распадается на двѣ части, неимѣющія между собою ничего общаго. Эти части суть

1) Введеніе (стр. 1 — 53). Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси.

2) Самое изслѣдованіе о внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть распадается на пять главъ.

I. Областной бытъ Великаго Новгорода, стр. 59 — 109.

II. Псковъ и его устройство, стр. 110 — 186.

III. Состояніе церкви во Псковѣ, стр. 187 — 238.

IV. Торжество московскаго порядка, стр. 239 — 311.

V. Вліяніе Москвы на дѣла церкви, стр. 312 — 344.

Въ введеніи авторъ излагаетъ свой взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси и дѣлаетъ это не только на основаніи положительныхъ данныхъ, но вдаваясь въ общія разсужденія историко-философскаго содержанія и касаясь исторіи цивилизаціи народовъ. Спрашивается, не значитъ ли это забраться слишкомъ далеко, затрогивать развитіе цивилизаціи человѣчества въ доисторическое время, когда собираешься писать всего только *очеркъ* внутренней исторіи Пскова. По крайней мѣрѣ странно, въ введеніи къ совершенно спеціальному изслѣдованію, имѣющему неотъемлемое достоинство, видѣть какъ бы желаніе автора — выказать свою всестороннюю начитанность на поприщахъ, не относящихся непосредственно къ предпринятому имъ труду.

Авторъ начинаетъ весьма остроумнымъ философскимъ изреченіемъ: «что сумма событій опредѣляется суммою знаній». Изреченіе это, конечно, заимствовано у Милля, затѣмъ приведенъ еще Лотце и тутъ же для сравненія указаво на Бѣкля. Въ столь важномъ обществѣ, конечно, дѣло должно идти, по крайней мѣрѣ, о цивилизаціи человѣчества. Авторъ такъ и объявляетъ, что онъ докажетъ справедливость этого изреченія въ древнѣйшемъ періодѣ цивилизаціи человѣчества. Если сумма событій опредѣляется суммою знаній, то слѣдовало бы, при изложеніи внутренней исторіи Пскова, оставить въ сторонѣ исторію цивилизаціи человѣчества, такъ какъ сумма знаній нашихъ о вліяніи послѣдней на первую, или хоть на оборотъ, равняется нулю, значитъ и сумма событій повліявшихъ изъ этихъ періодовъ другъ на друга, также должна быть нуль.

Однако авторъ придаетъ выше приведенному изреченію другое очевидно значеніе, значеніе по крайнему нашему разумѣнію неудобопонятное. Мы поэтому обратимся къ тѣмъ именно изреченіямъ упомянутыхъ авторитетовъ, на которыя ссылается самъ г. Никитскій.

J. S. Mill, System der Logik 1863. II, 564: Ich stimme mit der Meinung des H. Buckle überein, dass die intellectuellen Elemente

der Menschheit — in diesem Ausdruck die Natur ihrer Meinungen (Glauben), die Summe ihres Wissens und die Entwicklung ihrer Intelligenz inbegriffen — der vorherrschende Umstand in der Bestimmung ihres Fortschritts sind.

H. Lotze, Mikrokosmos III. 186. Welches auch die eigenthümlichen Wurzeln sein mögen, aus denen die schöpferischen Triebe der Kunst, die sittlichen Ueberzeugungen, der religiöse Glaube entspringen: sie alle sind in dem Reichthum und der Sicherheit ihrer Entfaltung theils von der Ausdehnung abhängig, in welcher das Wissen die Wirklichkeit ihrem beherrschenden Einfluss unterordnet, theils von der Klarheit, mit der es über sich selbst, seine Aufgaben und seine Mittel sich verständigt hat.

Buckle, History of Civilization in England. L. 1858, стр. 205 и 6. Въ IV главѣ Бёкль говоритъ о законахъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе духовныхъ (умственныхъ и нравственныхъ) силъ человѣчества, и находитъ, что главнымъ элементомъ, подвигающимъ цивилизацію впередъ, есть развитіе умственныхъ силъ, знанія. Глава заключаетъ въ себѣ стр. 153 — 206, въ концѣ на стр. 205 и 206 онъ говоритъ: the changes in every civilized people are, in their aggregate, dependent solely on three things: first, on the amount of knowledge possessed by their ablest men; secondly, on the direction which that knowledge takes, that is to say, the sort of subjects to which it refers; thirdly and above all, on the extent to which the knowledge is diffused, and the freedom with which it pervades all classes of society.

Спрашивается: есть ли какая бы то ни была возможность, выразить мысли приведенныхъ г. Никитскимъ авторитетовъ такимъ образомъ, какъ дѣлаетъ это онъ?

Таково начало! Далѣе авторъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые въ двухъ, трехъ словахъ не могутъ быть, ни рѣшаемы, ниже излагаемы ясно и попятно.

«Во взглядѣ на окружающій міръ, историческіе народы въ древнѣйшій періодъ своего развитія находились на той же ступени, на которой до сихъ поръ остаются народы неисторическіе, чуждые культурѣ, и на которой дѣти будутъ оставаться, вѣроятно, навсегда». Затѣмъ авторъ вызывается «показать связь существовавшую между знаніемъ или міросозерцаніемъ и ходомъ событий или народнымъ бытомъ въ древнѣйшій періодъ цивилизаціи человѣчества».

Посмотримъ какъ онъ за это принимается. Г. Никитскій из-

излагаетъ вкратцѣ, и въ ущербъ ясности и опредѣленности, положенія Дельбрюка и Штейнтала о возникновеніи и значеніи міеовъ. Далѣе продолжаетъ (на стр. 4), что міеологическое міросозерцаніе представляло удобную почву, на которой легко могли возникать и развиваться юридическія фикціи, что во всякомъ развивающемся обществѣ социальныя потребности нѣсколько опережаютъ движеніе законодательства, что между ними всегда остается пропасть, что развитіе общества зависитъ отъ быстроты, съ которою пропасть эта закрывается. Между средствами для этой цѣли не мало важную роль играютъ юридическія фикціи. «Въ римскомъ законодательствѣ фикція носитъ судебный характеръ и обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго, т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ».... При помощи этой фикціи иноземцу дозволялось искать и отвѣчать по суду, если онъ выдавалъ себя за римскаго гражданина.

Авторъ, какъ видно, излагаетъ свой взглядъ ясно и безъ обиняковъ, не смотря на то однако фикція подобнаго значенія никогда не имѣла. Совершенно неправильно, что фикція является въ древнѣйшее время, вслѣдствіе неясности и недостаточности понятій міеологическаго міросозерцанія. Напротивъ того, она является лишь въ такихъ правахъ и юридическихъ системахъ, которыя находятся уже на извѣстной ступени развитія и отличаются строго послѣдовательнымъ, одностороннимъ развитіемъ немногихъ основныхъ положеній, которыхъ онѣ придерживаются исключительно, узко и формально, такъ что иной разъ явная несправедливость можетъ быть устранена лишь предположеніемъ, что фактическія обстоятельства, не соотвѣтствующія буквальному смыслу закона, считаются какъ бы соотвѣтствующими ему. Именно такимъ характеромъ отличалось древнѣйшее римское право. Оно совершенно уже освободилось отъ міеологическаго и символическаго характера и единственно обращаетъ вниманіе на ясное выраженіе воли. Родовой и общинный бытъ устранены вездѣ, во всемъ видна власть государства. Все это ясно и понятно излагается въ томъ же самомъ мѣстѣ исторіи Момзена, на которое ссылается авторъ. Тутъ же прямо сказано, что чужіе считались совершенно безправными, если не было договоровъ между Римомъ и ихъ государствомъ. Изъ любого руководства исторіи римскаго права авторъ могъ бы узнать, на что Момзенъ только намекаетъ, что кромѣ того чужой могъ пользоваться, если былъ гостемъ римскаго гражданина, защитой сего послѣдняго, который вступался за гостя, какъ бы за своего кліента.

Здѣсь конечно была фикція, что гость равенъ кліенту. Однако кто сколько нибудь знакомъ съ римскимъ правомъ, не можетъ сказать, что фикція обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ!! Если бы авторъ не побоялся труда справиться хоть въ литературѣ, не говоря уже объ источникахъ, то настоящее значеніе фикціи могъ бы изучить у Демеліуса ¹⁾ и у Игеринга ²⁾, да не только у нихъ, а въ любомъ руководствѣ исторіи римскаго права, или институтовъ, или пандектовъ, наконецъ у Момзена въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое онъ ссылается, и гдѣ нѣтъ ни одного слова, на которое авторъ могъ бы основывать свою теорію.

Въ Англіи фикція также встрѣчается именно вслѣдствіе строго односторонняго и формальнаго развитія права.

Напротивъ того въ тѣхъ правахъ, въ которыхъ, еслибы предположеніе г. Никитскаго было основательно, фикція должна была встрѣчаться всего чаще, въ германскомъ и славянскомъ, такъ какъ въ этихъ правахъ сохранилось множество всякихъ воспоминаній изъ древняго времени преобладанія родовыхъ и общинныхъ понятій — въ этихъ правахъ фикція и не встрѣчается, развѣ въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ римскаго права. Но это г. Никитскаго не останавливаетъ; задавшись разъ своею теорію, онъ уже не знаетъ никакихъ препятствій. Родъ для него фиктивная семья — вотъ фикція и есть у Славянъ и съ нею доходитъ (на стр. 30) наконецъ до того, что объясняетъ: «родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи или лучше на фикціи двойнаго родства!» На стр. 32 авторъ доходитъ даже до слѣдующаго положенія: «Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княженъемъ*». Какъ ни станешь расширять фикцію родства, получишь все таки лишь расширенную фикцію, т. е. отвлеченное понятіе, между тѣмъ княженіе была вещь весьма положительная.

Г. Никитскій развиваетъ цѣлую теорію фикцій въ древнѣйшій періодъ. По его мнѣнію, въ немъ господствовала одна фикція и то, что мы знаемъ о юридическихъ фикціяхъ въ римскомъ и англійскомъ правахъ, лишь жалкія остатки обширной системы, обнимавшей всю жизнь древнѣйшаго человѣка. Въ томъ, что люди бра-

¹⁾ Die Rechtsfiction in ihrer geschichtlichen u. dogmatischen Bedeutung. Weimar 1850.

²⁾ Geist des römischen Rechts. Bd. II. Leipzig 1854.

тались между собою, что въ сказаніяхъ, сагахъ и т. п. выводится единство цѣлаго племени отъ баснословныхъ лицъ, онъ видать фикцію! Вѣдь это вещи совершенно розныя! При фикціи что нибудь не существующее принимается за существующее, потому что односторонне развитое право ставитъ признаніе какого либо субъективнаго права въ зависимость отъ такихъ обстоятельствъ, которыя иной разъ могутъ быть и несущественными, и которыя въ такомъ случаѣ, безъ ущерба справедливости, могутъ быть приняты за существующія, хотя бы они на дѣлѣ и не существовали. Такъ напр., если преторъ считалъ справедливымъ признать собственникомъ извѣстное лице, которое по *jus civile* не могло быть собственникомъ, то онъ въ своей формулѣ, препровождаемой судьѣ, уполномочивалъ его — буде дѣло на самомъ дѣлѣ окажется таковымъ, какимъ считаетъ его преторъ — рѣшать его такъ, какъ будто истецъ не только фактически, но и по *jus civile*, былъ собственникомъ.

Народы германскаго и славянскаго племенъ жили въ древнѣйшее время подъ вліяніемъ родоваго быта. Самыми тѣсными узами для нихъ были узы родственные. Когда Германецъ или Славянинъ вступалъ въ близкія отношенія съ неродственнымъ ему лицомъ, то, чтобы упрочить эти отношенія, они старались закрѣпить ихъ на столько же, на сколько были крѣпкими родственные узы. Для этого они прибѣгали къ обрядамъ, которые должны были установить эту тѣсную связь. Убѣдившись въ хорошемъ расположеніи къ себѣ своего друга, они не ограничивались фикціею дружбы и братства, но старались установить, такъ сказать, матеріальное братство, связать друга еще болѣе сильными узами, нежели было родство кровное (отсюда обычай пить кровь другъ друга и др.).

Что образованіе сказаній нельзя объяснить юридическою фикціею, это кажется не требуетъ доказательства — хотя конечно много родоначальниковъ должно признать множественными.

Отъ теоріи образованія сказаній авторъ переходитъ къ изображенію древнѣйшаго быта человѣчества ¹⁾, все подъ руководствомъ своей теоріи о фикціи. Впрочемъ за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ примѣняетъ свою теорію, изслѣдованіе подвигается впередъ весьма логично и изложено ясно. Авторъ трезво оцѣниваетъ значеніе скудныхъ извѣстій о томъ времени, съ зоркимъ глазомъ осторожнаго и строгаго критика открываетъ фантазіи и увлеченія другихъ изслѣдователей, и, конечно, отвергаетъ

¹⁾ Стр. 8 и сл.